

рефлексией поэтики воды.⁴⁴ После описательной пространной части поэт начинает говорить о вдохновении, которое он надеется получить у ключа, у которого «вкусал воды» Херасков:

Творца бессмертной Россияды,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства (1, 48)⁴⁵

Предпоследний стих с прилагательным «священный» связывает его со значением ключа Бандузии у Горация. Подобное осмысление образа ключа присутствует также в переводе С. С. Боброва 1787 г., поэта очень близкого Державину своей словесной фактурой:

О ты, Бландузский ключ кипящий,
В блистаньи спорящий с стеклом
Целебные струи точащий,
Достойный смешан быть с вином!
Завтра пестрыми цветами
Хочу кристалл твой увенчать,
Завтра в жертву пред струями
Хочу козла тебе заклать⁴⁶

Именно к такому, сакральному, толкованию Горация подводит эпитет «священный», употребленный Державиным. Это слово, низведенное практикой русского романтизма до уровня штампа, все еще сохраняло свой надлежащий смысл в 1779 г., когда Державин закончил «Ключ». Читатель, пораженный богатством и развитием пейзажной темы в оде, подходя к ее окончанию, начинал осознавать и ее философский подтекст. Ему становились понятны отказ Державина от упоминания о заклании козла, который, если продолжать перевод Боброва, должен «кровь свою червлену» растворить в студеной влаге ключа, и окраска вместо этого целого пейзажа при ключе в

⁴⁴ Он явно знаком со смыслом известной оды Горация «К ключу Бандузии» и старается выразить потаенный смысл реального ключа, находящегося в Гребеневе, подмосковном имении Хераскова, которое он не раз посещал. Но у Горация в 13-й оде 3-й книги только 4 строфы, состоящие из четверостиший, а у Державина целых 10, состоящих из пятистиший, и если в оде Горация нет перечисления ощущений, возникающих при виде его ключа, то для Державина это источник шумный и прозрачный, текущий, луга появший, кропящий перлами, быстрый и утешающий слух, в его водах горят пламенные розы зары, ветерок струит дуброву, волнует жатву и т. д. Державин явно лобкуется зрелищем, возникающим при виде этого источника вечером, когда его «кристалл» загорается «лучем» и «туманов море разольется» ему уже не «шумят со льдами» волны реки Камы, а он «один, шумя, сверкает» (1, 47—48). О державинских пейзажах, отраженных в воде, см. *Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Уралия Тютчевский альманах Л., 1928 С. 61—78*

⁴⁵ Последний стих со времен едкого замечания о нем кн. П. А. Вяземского невольно связан с каламбурным пониманием его смысла. Вяземский писал «Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державиным без умысла в оде *Ключ — Вода стихотворства*, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!» — См. Северные цветы на 1827 г. С. 157

⁴⁶ Поэты 1790—1810-х годов / Под ред. Ю. М. Лотмана и М. Г. Альтшуллера Л., 1971 С. 76 (Библиотека поэта, большая серия 2-е изд.)